
На пути к Сталинграду: события 1942 г. в контексте битвы

Сергей Кудряшов

On the way to Stalingrad: the events of 1942 in the context of the Battle

Sergey Kudryashov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23030021, EDN: EPNVXO

Современная литература о Сталинградском сражении обширна и разнообразна, однако некоторые прямо или косвенно связанные с этим событием вопросы изучены недостаточно. К ним, в частности, относится его контекстуализация – вписывание в более широкую тематическую и хронологическую канву. Особенно большой интерес представляют военные действия, развернувшиеся весной–летом 1942 г. на южном театре советско–германского фронта. Они оказали существенное влияние на условия и обстоятельства битвы на Волге, во многом определившей исход Второй мировой войны.

В советской историографии этим боевым действиям не уделялось должного внимания, поскольку они оказались в тени исторической победы под Сталинградом, а преследовавшие РККА в то время крупные неудачи относились к «неудобным» темам, которые старались не афишировать. Лишь после 1991 г., в связи с деидеологизацией науки и приоткрытием архивов, появилась возможность для более объективного исследования этого периода войны¹. Тем не менее дальнейшее изучение темы на основе введения в оборот новых источников и переосмысления фактов с высоты современного знания по-прежнему актуально. Задача данной статьи – обратить внимание на некоторые малоизвестные аспекты и наметить перспективы изучения военных действий 1942 г., что позволит создать более объёмную картину кануна и начального периода Сталинградской битвы.

На примере дискуссии вокруг авторства и обстоятельств разработки планов наступательных действий РККА хочу обратить внимание на важность тщательной перепроверки данных, особенно содержащихся в источниках личного происхождения. К примеру, в литературе часто встречается ссылка на решения Ставки ВГК и заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1942 г., на котором якобы обсуждались планы военных действий. Многие авторы опираются на мемуары Г.К. Жукова, утверждавшего, что он едва ли не единственным среди военачальников в начале января, а затем и в марте 1942 г. выступал перед руководством страны с планами наступления, но к его доводам не прислушались, а начальник Генштаба Б.М. Шапошников «отмолчался»².

© 2023 г. С.В. Кудряшов

¹ См., к примеру: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. М., 1998.

² Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 355; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. М., 1990. С. 278. В предисловии к этому, последнему советскому изданию мемуаров отмечалось, что они представляют собой наиболее полную версию, так как издательство Агентства печати «Новости» восстановило фрагменты текста, ранее удалённые цензурой, «по руко-

Доступные ныне источники позволяют проверить эту версию. Так, не подтверждается отсылка к упомянутому заседанию Политбюро, на котором, как выясняется, решались только кадровые вопросы, а Жуков на нём не присутствовал. Судя по опубликованным журналам посещений И.В. Сталина, тот в январе 1942 г. Жукова не принимал вообще. Более того, у Сталина в том месяце не были ни Шапошников, ни Н.А. Вознесенский³, на присутствие которых военачальник ссылался. Много нестыковок и в отношении марта того же года. Известно, что Шапошников тогда посетил Сталина девять раз, Жуков — два, но, как видно из журнала посещений, они ни разу не заходили в кабинет вместе. Поэтому неясно, когда именно Шапошников в присутствии Жукова «отмалчивался»⁴.

Открытые архивы Ставки свидетельствуют, что не только Жуков, но и большинство командующих фронтами активно поддерживали идею решительных наступательных действий в начале и на протяжении 1942 г.⁵ Разумеется, многие рассчитывали, что именно их фронт получит необходимое усиление и резервы. Настроения неизбежной и скорой победы поощрял и Сталин. Сначала это выглядело скорее как демонстрация воли одолеть врага и средство поднятия духа войск и населения⁶. Однако после победоносного контрнаступления под Москвой вера в близкий крах нацистского режима переросла в твёрдое убеждение, что враг исчерпал резервы и деморализован, а значит, можно закончить войну уже в 1942 г. «Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержатъ напор Красной армии»⁷, — утверждал Сталин в приказе № 55 от 23 февраля.

Переоценка собственных возможностей и недооценка сил противника привели к выработке политическим и военным руководством СССР стратегии, основанной на проведении серии крупных наступательных операций на разных фронтах. Возникла опасность повторения ситуация лета—осени 1941 г., когда советским войскам приходилось атаковать и контратаковать без тщательной подготовки — знания обстановки, соответствующей артиллерийской и воздушной поддержки, а часто и необходимого превосходства в живой силе и технике. В итоге ни одно из крупных и локальных наступлений не привело к существенным результатам. Позднее А.М. Василевский тактично заметил, что «верховное главнокомандование недостаточно точно учло реальные возможности Красной армии»⁸.

Нельзя, однако, согласиться с Василевским и Жуковым, а вслед за ними и с другими авторами, которые характеризовали серию крупных наступательных операций как «частные», вероятно, принизив масштаб и предполагаемую

писи автора». Однако проверить это не представляется возможным, поскольку рукопись в архивах не обнаружена.

³ По словам полковника, именно они выступали на совещании, но протокол этого совещания неизвестен.

⁴ На приёме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 358—360. Можно предположить, что главнокомандующий сам поехал на встречу к Жукову, однако это маловероятно и не имеет документальных подтверждений.

⁵ Свидетельства такого рода см.: Русский архив. Т. 16(5—2). Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942 год / Сост. А.М. Соколов и др. М., 1996.

⁶ См., например, речь на параде 7 ноября 1941 г.: Правда. 1941. 8 ноября.

⁷ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 44. Мысль о слабости противника высказывалась им неоднократно на протяжении всего 1942 г.

⁸ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 184.

значимость по причине их неудач. Достаточно сказать, что РККА потеряла тогда более 2 млн человек убитыми, пропавшими без вести и пленными, что составило без малого 40% от общей численности действующей армии на апрель–май того года⁹. Многочисленные, но, как правило, плохо подготовленные и безрезультатные наступления локального уровня тоже требовали немалых сил, распыляя и истощая людские и материальные ресурсы.

Неудачи порой объяснялись катастрофическим дефицитом боеприпасов, а также острой нехваткой личного состава. В январе 1942 г. к 155-мм миномётам «на круг» имелось всего 3% от необходимого боекомплекта, к 82-мм – 55%, а по всей артиллерии – 44%. То же самое касалось и состояния арсенала бронетанковых войск. К тому же после тяжелейших боёв первого периода войны 40–60% танков оказались неисправны. Не хватало средств эвакуации и ремонтных баз. В апреле военный совет Западного фронта докладывал, что войска обеспечены пулемётами-пистолетами и противотанковыми ружьями всего на 26%, ручными пулемётами – на 28%, малокалиберной зенитной артиллерией – на 50%, 122-мм миномётами – на 40%, противотанковыми пушками – на 35%, 76-мм пушками дивизионной артиллерии – на 65%, а стрелковые дивизии укомплектованы личным составом только на 50–70%¹⁰.

Казалось бы, первые крупные неудачи могли послужить хорошим уроком и побудить скорректировать планы, но этого, к сожалению, не произошло. Ставка в лице Сталина и Генштаб в лице Василевского не без участия многих командующих фронтами продолжали в ультимативной форме подстёгивать войска. Это привело к крупным поражениям, кардинально повлиявшим на ход событий. Такое упорство, вероятно, отчасти объяснялось намеренной дезинформацией врага об огромных потерях и плачевном состоянии Вермахта, которая по различным каналам попадала в Москву.

Другим фактором, из-за которого политическое руководство страны не располагало полностью достоверной информацией, явилось поступление в первой половине 1942 г. от фронтов, разведслужб, а вслед за ними и Генштаба преувеличенных данных о потерях и измотанности частей «почти побеждённого» противника. 23 октября 1942 г. начальник Совинформбюро А.С. Щербаков направил Сталину записку, в которой на основании суммирования официальных данных обратил внимание, что потери немцев за полтора года войны исчисляются в фантастические 12 млн, а по данным Генштаба – почти в 10 млн человек. Советские потери, соответственно, преуменьшались: убитых – 1 526 712, пленных – всего 23 363, хотя на самом деле к тому времени только в плен попали порядка 4 млн, из которых к моменту написания Щербаковым записки 2,5 млн погибли¹¹. Система, как неоднократно случалось ранее, «подстраивалась» под то, что хотел услышать Сталин.

Особенность ситуации заключалась в том, что руководство Третьего рейха тоже недооценивало мобилизационные возможности СССР и боевые качества РККА. Даже чувствительное поражение под Москвой А. Гитлер и его ближай-

⁹ Там же. С. 189–190; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 275–277. Жуков ссылаясь на Сталина, но из ныне изданных документов Ставки следует, что эти наступления «частными» никто не называл.

¹⁰ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012.

¹¹ Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 50, д. 450, л. 36–40. В настоящее время данное дело хранится в РГАНИ.

шее окружение восприняли как «случайность» и по-прежнему считали Советский Союз слабым государством, которое неизбежно будет побеждено. Фюрер не обращал внимания на соображения экономистов и штабных аналитиков, предостерегавших от широкомасштабных военных кампаний в глубине СССР. Моральный дух германской армии ещё не был сломлен, однако современные исследования убедительно показывают, что её логистика, материальное снабжение и людские резервы уже находились в состоянии сильнейшего напряжения. К марту 1942 г. Вермахт потерял в боях около 35% своей численности (более 1,1 млн человек). 22 июня 1941 г. армия вторжения имела 3648 танков и тяжёлых орудий, 3319 из них через 9 месяцев оказались безвозвратно выведены из строя. Катастрофически не хватало вагонов и локомотивов, легковых и грузовых машин. Тем не менее Гитлер отмахивался от предостережений, настаивая на том, что если «цель поставлена, то она должна быть выполнена»¹².

Изучив планы фюрера и его штабов, а также протоколы многочисленных совещаний, немецкие историки сделали вывод, что летняя кампания Вермахта имела тот же стратегический изъян, что и план «Барбаросса»: ставку на «блицкриг». За три–четыре месяца предполагалось сокрушить армии на юге СССР и захватить ценные экономические ресурсы. Первоначально Кавказский регион не включался в оперативные планы (так, в плане «Барбаросса» он даже не упомянут), но по мере изменения военной ситуации нацистским чиновникам стало казаться, что кладёзь имевшихся там полезных ископаемых запозолучить не так уж сложно. А главное, путём оккупации Кавказа в Берлине планировали сокрушить экономическую мощь Сталина и пополнить нефтяные запасы. В конце мая министр пропаганды Й. Гёббельс впервые заявил, что это война не только за идеалы, но и за полезные ископаемые.

В первую очередь речь шла о нефтяных месторождениях. К моменту планирования летней кампании на долю Германии и её союзников приходилось всего 2% мирового производства нефти, на долю США — 67%, а Советского Союза — около 10%. Приблизительно две трети советской нефти добывалось на Кавказе, поэтому в Берлине считали завоевание нефтеносных районов главной целью очередного наступления. Согласно показаниям Ф. Паулюса на Нюрнбергском трибунале, в узком кругу генералов Гитлер заявил: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, то буду вынужден прекратить эту войну»¹³. Сталинград упоминался в директивах фюрера, но пока не рассматривался как центральное направление наступления.

Трудно сказать, как сложилась бы обстановка, если бы успешной реализации столь амбициозных планов не способствовали неожиданные даже для противника крупные просчёты советского командования. Так, в Крыму немцам всего за 12 дней, с 8 по 20 мая 1942 г., удалось выбить части РККА, имевшие преимущество в живой силе и технике, с Керченского полуострова. Только в плен там попали 265 тыс. человек¹⁴. Ныне известно, что в ставке Гитлера опасались проводить эту операцию, которая с военной точки зрения казалась авантюрой. Однако командующий 11-й армией Э. фон Манштейн настоял на

¹² Наиболее подробно эти сюжеты изложены историком Б. Вегнером: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 6. Stuttgart, 1990.

¹³ Подробнее см.: *Klemann H., Kudryashov S. Occupied economies. An economic history of Nazi-occupied Europe*. L., 2012.

¹⁴ *Рубцов Ю.В.* Трагедия в Крыму в мае 1942 года // *Война и общество. 1941–1945 гг.* В 2 кн. Кн. 1. М., 2004. С. 101–125.

своём, и результаты превзошли все ожидания¹⁵. Керченский разгром во многом predetermined судьбу осаждённого Севастополя: 7 июня немцы начали новое наступление, и в первых числах июля, несмотря на героизм гарнизона, овладели городом¹⁶. Этот успех открыл нацистам дорогу на Кавказ.

Одновременно трагические события разворачивались в районе Харькова. 12 мая развернулось мощное наступление Красной армии, но к нему противник оказался готов, взяв наступающих в огромный «котёл». Специалисты до сих пор спорят о целесообразности этой операции и о возможности спасения окружённых войск¹⁷. Часть авторов склонна придавать особое значение пленению назначенного командующим 48-й армией Брянского фронта А.Г. Самохина. 21 апреля его самолёт, направлявшийся в штаб фронта, был сбит, в результате чего будто бы к немцам попали важные документы о готовящемся ударе советских войск¹⁸. Решение об отмене или прекращении наступления командование не приняло, и к 28 мая сопротивление советских войск оказалось сломлено. По официальным данным, безвозвратные потери Юго-Западного фронта превысили 270 тыс. человек, к которым следует добавить, по немецким данным, ещё порядка 240 тыс. попавших в плен¹⁹. Восполнить колоссальный урон в живой силе и технике в короткий срок было нереально. В результате летом стратегическая инициатива по всему периметру южных границ фронта перешла к противнику.

Как же отреагировало верховное командование на неудачные наступательные действия? Как показывают материалы Ставки, Сталин выражал крайнее недовольство, но по-прежнему требовал наступать. Он обвинял командующих армиями и начальников штабов в бездействии, недисциплинированности, несогласованности, бюрократических методах руководства, непонимании природы современной войны. На совещаниях неоднократно повторял: «Не бойтесь немцев — не так страшен чёрт, как его малюют»²⁰. Критика во многом оказывалась справедливой, а в направлявшихся *post factum* директивах Ставки (их подписывали также Шапошников и Василевский) содержалось немало верных оценок и дельных соображений. Непонятно одно — что мешало Сталину, обладавшему исключительными полномочиями, принимать оперативные меры по исправлению ситуации непосредственно в момент кризиса? Вместо этого он искал виновных в ошибках, хотя немалая доля вины лежала на нём самом.

В условиях крупных неудач 28 июля увидел свет приказ № 227, получивший позднее название «Ни шагу назад!». Его содержание до сих пор вызывает острые споры, но большинство отечественных авторов оценивает его пози-

¹⁵ За взятие Севастополя Гитлер произвёл фон Манштейна в фельдмаршалы и приказал отлить для него специальную медаль.

¹⁶ История Севастополя. В 3 т. Т. 3. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. М.; Севастополь, 2021. С. 461–466.

¹⁷ Семидетко В.А., Шутов З.А. Харьковская катастрофа // Война и общество. 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 126–152.

¹⁸ До назначения на должность командующего Самохин служил в ГРУ и обладал большим объёмом секретной информации, которую не выдал во время допросов. Он находился в концлагере, пережил войну, был репрессирован в СССР, но после смерти Сталина реабилитирован. Следствие не смогло доказать факт его предательства и выдачи секретных документов, ему вернули звание и награды (Хохлов Д.Ю. Армия не дождалась своего командующего // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 62–66).

¹⁹ Fritz S. Ostkrieg. Hitler's war of extermination in the East. Lexington (Kent.), 2011. P. 250–251.

²⁰ ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 2011, д. 26, л. 81–89; ф. 148а, оп. 3763, д. 107, л. 177–184.

тивно. Этот документ отразил не только тенденцию к ужесточению воинской дисциплины, но и стремление руководства переложить ответственность за провалы на фронте на рядовых военнослужащих. Через год после начала войны Сталин в первую очередь видел в армии не героев, а трусов, паникёров и предателей, которых на самом деле было меньшинство. Он утверждал, что многие в тылу начинают терять веру в отступающую армию, которая будто бы «утекает на восток», и предлагал виновных в этом расстреливать на месте. Он также советовал учиться у «фашистов» и приказал формировать штрафные батальоны²¹.

По моему мнению, приказ оказался ненужным и вредным, поскольку создал обстановку страха, подменявшего чувства патриотизма и самопожертвования. Он усиливал произвол и внесудебные расправы, вплоть до расстрела, над десятками тысяч людей, которые на деле могли быть ни в чём не виноваты или совершили мелкие проступки. Приказ этот – порождение сложившейся ещё до войны системы власти, он позволял любому командиру-самодуру преследовать подчинённых и сваливать на них свои просчёты и преступления²².

Необходимо отметить, что его значение для наведения порядка в войсках накануне наступления под Сталинградом в значительной степени мифологизировано. Военное судопроизводство обладало всеми необходимыми инструментами для наказания за любые проступки задолго до его появления. Например, заградительные отряды существовали уже с конца августа 1941 г., а офицеров, не говоря уже о рядовых, в условиях военного времени расстреливали на месте и ранее²³. К примеру, 3 ноября 1941 г. Жуков приказал расстрелять перед строем командира и комиссара 133-й стрелковой дивизии за нарушение его распоряжения об обороне Рузы²⁴. До настоящего времени не появилось убедительных данных о том, что именно летом 1942 г. в Красной армии наблюдался всплеск случаев дезертирства, трусости и паникёрства, а также резкое падение дисциплины. Как следствие, анализ документов не показывает сколько-нибудь заметного повышения дисциплины или сокращения численности перебежчиков, а отступления с оставлением позиций продолжались и после него. Нет и серьёзных исследований об эффективности штрафных батальонов и рот. Сталин ссылался на опыт Вермахта, но историки полагают, что штрафные части не помогли немцам выиграть ни одного сражения. Требуется специальное изучение и вопрос о количестве военнослужащих, казнённых на месте на основании приказа. В целом его влияние на события Сталинградской битвы остаётся дискуссионным.

Стоит указать на ещё один аспект данной проблемы. К сожалению, в СССР не велось исследований о влиянии чрезвычайных условий войны (борьба в окружении, бомбардировки, артиллерийский и миномётный огонь и проч.) на психическое состояние бойцов. На Западе же такие исследования

²¹ Первую публикацию приказа см.: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 73–75.

²² К примеру, руководство Ленинградского фронта (А.А. Жданов, М.С. Хозин) в самое трудное для города время (декабрь 1941 г.) утверждало, что больше всего трусов и паникёров «среди высшего командного состава», и просило расстрелять командование 80-й дивизии. Сталин ответил: «Обязательно расстреляйте» (ЦАМО РФ, ф. 96а, оп. 2011, д. 5, л. 191–194).

²³ Расстрелы на месте, в том числе и высших офицеров, санкционировались не менее порочным приказом № 270 от 16 августа 1941 г., подписанным Сталиным. Всех генералов, обвинённых им в трусости и предательстве, впоследствии реабилитировали. Приказ долго оставался секретным. Первую его публикацию см.: Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2524, д. 10, л. 155.

проводились со времён Первой мировой войны²⁵. И уже к 1940-м гг. учёным стало понятно, что, хотя люди психологически отличаются друг от друга и воспринимают опасность по-разному, тем не менее частично их реакции сходны. Сталина выкладки о естественной реакции организма на крайнюю опасность вряд ли убедили бы, но их смысл заключался в том, что если военнослужащий во время плотного огня или атаки с воздуха прячется в «щель», пытаясь спастись, то это вовсе не означает, что он трус, потенциальный предатель или паникёр. В РККА не обучали солдат войне в окружении, когда они оказывались без питания, боеприпасов, медицинской помощи и т.д., поэтому возможные деструктивные последствия такой ситуации представить несложно²⁶.

Рассматривая военные действия на советско-германском фронте летом и в начале осени 1942 г., не так-то просто ответить на вопрос о направлении главного удара Вермахта. Создаётся впечатление, что немцы сами точно не знали этого, предполагая в значительной мере ориентироваться на оперативную обстановку на фронте. В начале летней кампании несомненный приоритет отдавался Кавказу. Эта цель казалась легко достижимой после побед в Крыму и под Харьковом. Сложнее, как считали в Берлине, будет продвижение в районе Сталинграда. Тем не менее первые успехи на Кавказе настолько вскружили Гитлеру голову, что он разделил свои силы и поставил задачу наступать сразу в двух направлениях – на Закавказье и на Сталинград.

Боевые действия в Кавказском регионе вела группа армий «А» под командованием В. Листа²⁷. Ей противостояла группировка советских войск, насчитывавшая 112 тыс. человек, 120 танков, около 2200 орудий и миномётов и 130 самолётов. Она уступала противнику в людях в 1,5 раза, в орудиях и миномётах в 2, в танках более чем в 9 и в авиации почти в 8 раз. Понимая, что Главный Кавказский хребет служит хорошим естественным препятствием для любых наступательных операций, немцы решили обойти его с востока и запада, одновременно наступая с севера. Советское командование не планировало оборону на этом направлении, поэтому её пришлось спешно готовить. Однако времени для создания мощных укреплений уже не оставалось, подступы к хребту от Махачкалы до горы Эльбрус прикрытия не имели. Оборонительные сооружения на Тереке, построенные 10-й сапёрной армией, к весне 1942 г. оказались полуразрушенными и использоваться не могли. Перевалы хребта от Эльбруса на запад также не оборудовались в инженерном отношении и войсками РККА не прикрывались²⁸.

²⁵ См.: *Dillon F. Treatment of neuroses in the field: the advanced psychiatric centre // The neuroses in War / Ed. by E. Miller. L., 1940; Ahrenfeldt R.H. Psychiatry in the British army in the Second World War. L., 1958; Harrison M. Medicine and victory: British military medicine in the Second World War. Oxford, 2004.*

²⁶ К примеру, в американской и британской армиях выпускались специальные памятки для солдат и офицеров о том, как вести себя в плену, о чём говорить, что скрывать и проч. Существовали даже специальные награды за достойное там поведение.

²⁷ Ср. директивы германского верховного командования № 41 и № 45 о продолжении наступления: *Битва за Кавказ 1942–1943 гг. М.; Владикавказ, 2002. С. 299–307.*

²⁸ Эти и другие аспекты подробно изложены в одной из лучших работ на данную тему: *Битва за Кавказ 1942–1943 гг. См. также: Бугай Н.Ф. Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 438–461; Деятельность Орджоникидзевского (Владикавказского) Комитета обороны и органов государственной власти и управления Северо-Осетинской АССР в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны. Владикавказ, 2020.*

Как часто происходило и ранее, противник атаковал сразу в нескольких направлениях. Одна группа войск нацелилась на Таманский полуостров с выходом к Новороссийску и Краснодару; другая наступала на Ставрополь и Майкоп, планируя в дальнейшем завладеть Орджоникидзе (Владикавказом), Грозным и достичь Баку; третья двигалась вдоль черноморского побережья на Туапсе и Сочи, чтобы затем захватить Сухуми, Батуми и выйти к Тбилиси. Удачно маневрируя, концентрируя войска и бронетехнику на направлении главных ударов, гитлеровцы оттеснили советские войска и захватили большие территории, включая такие важные города, как Ставрополь (5 августа) и Краснодар (12 августа). В Берлин посыпались победные репортажи о «крахе русских» и быстром «завоевании» Кавказа. Однако очень скоро тональность посланий изменилась, в них появились тревога и неуверенность. Что же произошло?

Несмотря на захват территории, враг повсеместно столкнулся с ожесточённым сопротивлением. Оно не останавливалось и не ослабевало. Вопрос о возможности поражения или капитуляции в Кремле не обсуждался: немцев требовалось измотать, остановить и уничтожить. На южных рубежах фронта применялись те же средства и методы, что и в центральных регионах России, Белоруссии и на Украине. Только в Краснодарском крае и Северной Осетии в тылу группы «А» действовали 142 партизанских отряда и группы, которые постоянно наносили чувствительные удары по вражеским коммуникациям, штабам и тыловым объектам.

Оборонительные бои на Кавказе продолжались более пяти месяцев. Гитлеровцам не удалось преодолеть упорное сопротивление советских войск, овладеть нефтяными ресурсами Грозненского и Бакинского районов, а также другими источниками ценного стратегического сырья. Кроме того, провалились замыслы выйти к границам Турции и Ирана и перерезать важные пути доставки через Иран товаров по ленд-лизу. Считается, что уже в октябре Гитлер смирился с крахом очередного блицкрига. Какое-то время он ещё надеялся на успех, затем дал команду бомбить нефтяные промыслы в Чечне и Баку, а 28 декабря под давлением Генштаба подписал директиву о постепенном отступлении из региона.

В боях на Северном Кавказе участвовали войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов при поддержке Черноморского флота, Азовской и Каспийской военных флотилий. Сражения имели большое стратегическое значение, поскольку проходили одновременно с битвой под Сталинградом. Ставка, умело пользуясь резервами, чередуя оборону с контратаками, не позволила расплывшемуся силе противнику существенно усилить ни одну из своих группировок. Героически обороняясь, Кавказ помог осуществить победоносное контрнаступление под Сталинградом²⁹.

Рассекреченные документы Ставки и Генштаба показывают, что тяжёлые поражения весны—лета 1942 г. не прошли даром. Методы руководства и качество подготовки операций постепенно менялись в лучшую сторону. Сталин стал ежедневно получать подробную информацию о положении на фронтах.

²⁹ Битва за Кавказ стала одной из самых продолжительных за годы Великой Отечественной войны — она длилась 442 дня (с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г.). В течение 15 месяцев шли тяжелейшие сражения на фронте от Чёрного до Каспийского морей, в донских и ставропольских степях, на море и в воздухе, в лесах и горах. Со временем историки пришли к выводу, что эти кровопролитные бои имели стратегическое значение и во многом способствовали победам под Сталинградом и Курском.

О многих недостатках ему писали простые солдаты и офицеры. Все операции, включая неудачные, анализировались в Генштабе. Специалисты обращали внимание на неудовлетворительную подготовку наступлений, плохую работу разведки, слабое обеспечение связью и, как следствие, незнание обстановки, несвоевременную постановку боевых задач и медлительность в их исполнении, острую нехватку горючего, танков, машин, боеприпасов и обмундирования, плохую слаженность (тогда говорили «сколоченность») во взаимодействии войск, недостаточную поддержку с воздуха, отсутствие оборудованных оборонительных рубежей, неудовлетворительную работу тыловых учреждений, случаи грубого обращения командиров с подчинёнными, включая рукоприкладство, непонимание рядом командиров национальной и культурной специфики региона (к примеру, на Кавказе)³⁰.

Со своей стороны, нацисты целенаправленно стремились посеять вражду между народами России, Белоруссии, Прибалтики, Украины и Кавказа, представителями разных конфессий и религий, разжечь ненависть и направить её против Красной армии и русских. На Кавказе с этой целью действовали специальные структуры – полк особого назначения «Бранденбург», особый отряд «Бергман» («Горец») и абвергруппы 101 и 114³¹. Важно иметь в виду, что расовый и человеконенавистнический подтекст войны не исчез, нацисты ежедневно убивали советских граждан и планировали в дальнейшем истребить десятки миллионов человек. Более того, под влиянием растущего сопротивления политика немецких властей радикализировалась³². Уничтожению теперь подлежали не только евреи, коммунисты и комиссары, но и этнические русские³³. Хотя значительная часть еврейского населения, проживавшего в западных районах СССР, к тому времени уже погибла, антиеврейские «акции» продолжались на всех оккупированных территориях и в 1942 г.³⁴

Стремясь нанести максимальный урон живой силе, Гитлер возлагал особые надежды на массированное применение кассетных осколочных бомб, специально разработанных для войны против СССР³⁵. В 1942 г. фюрер в узком кругу соратников неоднократно обсуждал возможность использования химического оружия, но в итоге отказался от этой идеи, опасаясь масштабных ответных мер союзников против городов Германии. Тем не менее в ряде случаев на советско-германском фронте нацисты ядовитые газы всё-таки применяли – к примеру, в Крыму против партизан и красноармейцев, скрывавшихся в катакомбах.

³⁰ См., в частности: Краткий обзор операций, проведённых на фронтах в сентябре 1942 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2010. С. 184–189.

³¹ *Зданович А.А.* Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М., 2021. С. 33–48, 221–238. См. также: *Сидоренко В.П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999.

³² Именно в 1942 г. разрабатывался план «переселения народов» («Ост»).

³³ «Уничтожить как можно больше русских» // Источник. 1998. № 2. С. 74–75; «Без срока давности»: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1–2. М., 2020.

³⁴ *Дюков А.Р.* Народная война. Партизаны против карателей. М., 2017; *Альтман И.А.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР. 1941–1945. М., 2002; *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта. Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000.

³⁵ Управление ВВС РККА подготовило специальную брошюру о немецкой бомбе SD-2, которую разослали во все сапёрные подразделения.

В целом, 1942 г. стал для Советского Союза не менее тяжёлым, чем 1941-й. Под оккупацией оказались новые обширные территории. Вследствие неудачных наступательных действий РККА погибли или попали в плен сотни тысяч советских солдат, а Вермахт перехватил инициативу, рассчитывая на блицкриг. Однако немцы столкнулись с неизбежными при ведении войны вдали от своих границ и баз снабжения проблемами в логистике, а Красной армии в упорных боях удалось навязать противнику свою тактику. Первую группировку немцев остановили в декабре в предгорьях Главного Кавказского хребта, вторая подошла к Сталинграду, вокруг которого развернулось грандиозное сражение, ставшее началом конца нацистской Германии.